МАРИНА ВЕТРОВА ✦ АМИНА ВОЛКОВА

Измена мужа.

Ты объявил нашу дочь мёртвой, но я нашла её живой!

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

18+ Содержит нецензурную брань

Амина Волкова
Марина Ветрова

Измена мужа. Ты объявил нашу дочь мёртвой, но я нашла её живой!

https://litres.ru/74716582
SelfPub; 2026

Аннотация

Муж-врач объявил нашу дочь мёртвой. Но я знаю: Софи жива.

Артемий годами внушал мне, что я безумна, изменял с любовницей, подделывал документы и готовился забрать у меня даже дом.

Теперь он требует, чтобы я исчезла, иначе меня уничтожат его деньги и связи.

Я готова бороться, но против целой клиники одной не выстоять.

На помощь приходит Дмитрий — влиятельный мужчина, который тоже потерял семью из-за страшных тайн Артемия.

Вместе мы ищем доказательства и пытаемся спасти Софи.

Только чем ближе правда, тем опаснее становится каждый шаг.

И можно ли полюбить снова, когда доверие однажды превратили в оружие против тебя и твоего ребёнка?

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 12
Глава 3 20
Глава 4 28
Глава 5 35
Глава 6 41
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Марина Ветрова, Амина Волкова Измена мужа. Ты объявил нашу дочь мёртвой, но я нашла её живой!

Глава 1

Стейк был идеальным. Medium rare, с розовым соком на белой фарфоровой тарелке и веточкой розмарина, которая должна была пахнуть уютом, а не похоронами. Я стояла у плиты, чувствуя, как от жары сводит скулы, и пересчитывала секунды до его прихода. Семь минут. Шесть. Пять.

Дверь открылась бесшумно, но я вздрогнула всем телом. Артемий вошел в кухню, даже не глядя на меня. Он выглядел так, будто только что вышел из операционной: безупречная рубашка, рукава закатаны ровно до локтя, где проступали синие вены. Но запах... Это был не больничный антисептик и не мой дешевый парфюм «Белый чай». Это была дорогая нишевая композиция — тяжелая, сладкая, с нотами туберозы и мужского пота. Чужая женщина. Не Лика, она любит более

свежие цитрусовые. Кто-то другой. Или же Артемий просто менял фавориток быстрее, чем стерилизовал инструменты.

Он прошел мимо меня к большому зеркалу в прихожей. Молча. Я видела, как он поправил воротник, изучая свое отражение с той самовлюбленной тщательностью, которую раньше принимала за уверенность в себе. Сейчас это выглядело как осмотр товара перед продажей.

— Артем, — голос сорвался. Я сглотнула ком в горле. — Ты опоздал. Ужин остывает.

Он не повернулся. Только усмехнулся уголками губ, продолжая гладить ткань на груди.

— Вера, ты снова пытаешься контролировать время? Это раздражает.

Я схватила папку с документами, лежавшую на столешнице. Картонные уголки впивались в пальцы. Внутри были подписанные бумаги на развод. Мне нужно было только одно — его подпись. Одна строчка, чтобы выдохнуть. Чтобы забрать Софи, которая сейчас спала у няни в соседнем районе, и исчезнуть из этой стеклянной клетки.

— Посмотри, — я положила папку рядом с бокалом красного вина, который он автоматически взял со стойки барной зоны. — Мы договорились о цивилизованном расставании. Подпиши, и мы разведемся без скандала. Ради Софи. Она спрашивает про папу. Каждый вечер.

Артемий сделал глоток вина. Красное пятно осталось на его нижней губе, похожее на кровь. Он наконец посмотрел

на меня. Холодно. Оценочно.

— Почему стейк холодный?

Сердце пропустило удар.

— Что?

— Стейк. Он стынет. Ты не умеешь готовить или просто не хочешь стараться для мужа? — он отложил бокал и указал ножом на тарелку. — Выброс. Я не ем остывшее мясо. Это признак неуважения к продукту. И ко мне.

Внутри меня что-то оборвалось. Звонко, как струна рояля.

— Артем, мы говорим о разводе. О нашей дочери. А ты делаешь замечания по поводу температуры мяса?

— Дочь мертва, Вера. Помнишь этот факт? — он произнес это так буднично, будто обсуждал погоду. — А то, что ты продолжаешь готовиться к ужину, как жена, говорит лишь об одном: тебе нравится быть жертвой. Тебе нравится ждать. Это твой наркотик.

Звонок в дверь прервал нашу дуэль. Громкий, настойчивый.

Артемий улыбнулся. Впервые за вечер. Тепло, интимно, почти нежно. Эта улыбка была направлена не на меня, а куда-то сквозь меня, в прошлое, которое он уже пережил.

— Жду курьера, — бросил он через плечо и пошел открывать.

Я осталась стоять у плиты, чувствуя, как дрожат колени. Курьер? В десять вечера?

Он вернулся с букетом. Огромным, пышным, из белых роз с шипами, которые цепляли воздух. Артемий понюхал цветы, закрыл глаза и глубоко вдохнул аромат.

— Это тебе, — сказал он, протягивая букет мне.

Мое сердце сделало предательский кувырок. Может, это жест примирения? Может, он передумал? Я потянулась к цветам, мои пальцы коснулись шелковистых лепестков.

— Артем...

— Не трогай, — резко отдернул он руку. Розы качнулись, и одна из них ударила меня по щеке. Боль была острой, мгновенной. — Они не для тебя.

Я замерла.

— Что?

— Я хотел проверить, как ты реагируешь на унижение, — он поставил букет обратно на стол, между нами, как баррикаду. — Ты тянешься к чужому. Ты всегда так делала. Наивная. Верящая в сказки. Эти розы заказаны Лике. Она ждет меня в ресторане. Я просто захотел посмотреть, будет ли тебе больно, если я дам тебе почувствовать вкус близости, которую никогда не получишь.

Смеяться? Нет. Мне хотелось кричать. Но я заставила себя улыбнуться. Криво, дерганно.

— Плохая шутка, Артем. Очень плохая.

Он достал телефон. Экран вспыхнул в полутьме кухни. Он повернул его ко мне. Фотография. Он и Лика. Она держит его под руку, смеется, показывая маленький животик,

округлый, напряженный. Подпись в сторис: «Моя будущая жена. Беременность — 12 недель. Папа лучший».

— Развод нужен мне не для свободы, Вера, — сказал он спокойно, убирая телефон. — А чтобы легализовать статус Лики до того, как ты начнешь рыться в наших финансах. Ты была временной заглушкой. Статусом. Приданым. Теперь ты лишняя деталь в механизме.

Меня замутило. Кофе, выпитый утром, поднялся к горлу.

— Квартира, — выдавила я. — Моя квартира. Та, что на Рублевке. Она досталась мне от отца.

Артемий взял второй бокал вина. Медленно, смакуя каждый глоток.

— Твоя? — он хмыкнул. — Ипотеку по ней закрыли три года назад. Помнишь? Ты подписала бумаги о погашении. А деньги, по документам, дал я. Теперь вернешь. С процентами. Если я подам иск о мошенничестве с залогом имущества, ты сядешь на пять лет. А Софи... ну, Софи уже нет, так что наследников не осталось.

— Ты подделал мою подпись!

— Доказательства есть. Юридически чисто. А теперь слушай внимательно. Ты пишешь заявление о добровольном уходе. Отказываешься от претензий на имущество, на ребенка (которого нет), на алименты. Взамен я «забываю» про долг. Ты уходишь с одним чемоданом. Если нет — завтра утром к тебе придут оперативники.

Это был капкан. Идеальный, герметичный.

— Я заберу Софи, — мой голос стал тихим, опасным. — Я знаю, что она жива. Я знаю, где она.

Артемий посмотрел на меня с жалостью. Той самой, которой лечат неизлечимо больных.

— Софи умерла два года назад, Вера. Инсценировка смерти нужна была для страховки. Но ты знаешь правду лучше всех. Или ты снова начала пить таблетки? Те, что я давал тебе вместо витаминов?

Он включил запись на телефоне. Голос няни, Марии Ивановны, сухой и отчетливый: «Ребенка больше нет. Сердце остановилось ночью. Я звонила доктору Артемию».

Я узнала этот голос. Из гостиной донесся кашель Марии. Она была здесь, хотя еще утром собиралась ночевать с Софи в соседнем районе.

— Позови ее! — закричала я. — Пусть она скажет это мне в лицо!

Артемий махнул рукой. Дверь гостиной открылась. Вошла Мария. Старая, сгорбленная, с пустыми, мутными глазами. Она прошла мимо нас, не взглянув ни на Артемия, ни на меня. Просто встала посреди коридора и уставилась в стену.

— Мария, скажи ей, — приказал Артемий.

Няня медленно повернула голову. Ее губы шевельнулись, механически, как у заводной куклы.

— Ребенка больше нет.

— Она под давлением! — я бросилась к ней, схватив за

плечи. — Мария, посмотри на меня! Где Софи? Она в детской?

Няня не моргая смотрела сквозь меня. Артемий подошел сзади и мягко, но крепко взял меня за запястье. Его пальцы были холодными.

— Пусти, — прошипел он.

Я вырвалась и упала на колени. Кафельный пол резал кожу, но боль была ничем по сравнению с тем, что творилось внутри. Я плакала. Не красиво, не тихо. Хрипло, всхлипывая, облизывая солоноватые слезы с губ. Я чувствовала себя ничтожеством. Мусором.

Артемий присел передо мной. Он положил руку мне на голову. Гладил волосы. Как собаку. Как вещь.

— Бедная моя сумасшедшая, — прошептал он, и в его голосе было такое удовольствие, от которого меня затошнило. — Хорошо, что я тебя терпел. Ты истощена. Тебе нужен отдых. Настоящий отдых.

Телефон завибрировал. Артемий достал его и опустил руку рядом с моим лицом. Я подняла глаза.

Сообщение: «Сделка закрыта. Контрольный пакет клиники передан офшорной компании "Аргус". Примечание: Дочь врача можно списать. Расходы на лечение несуществующего пациента компенсированы из фонда благотворительности».

Мир пошатнулся.

«Дочь врача можно списать».

«Списать». Так Артемий говорил о сломанном аппарате.

Теперь — о Софи. Зачем понадобилась ее смерть на бумаге, я еще не знала. Но он забрал у дочери имя в документах, а у меня собирался забрать возможность рассказать об этом.

Артемий увидел, куда я смотрю. Его лицо изменилось. Маска заботливого мужа слетела, обнажив хищника. Он быстро перехватил телефон, пряча экран.

— Что ты увидела? — спросил он резко.

— Ничего, — солгала я. Голос дрожал, но я заставила себя смотреть ему в глаза. — Просто... просто свет от телефона.

Он прищурился. Проверил меня. Потом усмехнулся.

— Выпей вина, Вера. Завтра мы едем оформлять твою госпитализацию. Тебе нужно отдохнуть от бреда. Врач скажет, что у тебя послеродовая депрессия, затянувшаяся на годы. Ты подпишешь согласие на принудительное лечение. А я буду навещать тебя. Каждую неделю. Чтобы ты не скучала.

Он встал, отряхнул брюки и пошел к выходу из кухни, оставив меня одну на холодном полу, среди запаха роз, крови и лжи.

Я посмотрела на свои руки. Они дрожали. Но слез больше не было. Ногтем я поддела шов на подоле, чтобы занять дрожащие пальцы. Теперь я должна играть роль безумной жены. Идеальной, сломанной, послушной игрушки. Пока не выберусь из этой клетки. Пока не найду того, кто поможет вернуть Софи и остановить его.

Глава 2

Я выскочила из квартиры, но у лифта развернулась: паспорт остался внутри. Надела оставленное у входа пальто. Бирку Софи я забрала со стола Артемия накануне, когда искала бумаги на развод. Дождь хлестал по стеклам подъезда, размывая огни города в грязные разводы, но я этого почти не чувствовала. Внутри меня всё горело белым, слепящим пламенем. Я знала правду. Детская бирка с именем Софи лежала у меня в кармане пальто, влажная от пота ладоней, и она была тяжелее кирпичной стены. Артемий соврал. Он сказал всем — коллегам, друзьям, даже моей матери — что наша дочь мертва. Что умерла два года назад. Но эта бирка пахла его одеколоном «Аква ди Парма» и детским мылом. Бирка сама по себе ничего не доказывала. Но утром я обнимала Софи. Мне нужно было узнать, куда ее увезли теперь.

Я нажала кнопку звонка. Раз. Два. Три раза подряд, пока палец не онемел. Из-за двери донеслись звуки, которые резали слух хуже любого крика: смех Артемия, низкий и бархатистый, звон хрусталя, приглушенная музыка джаза. Они праздновали. Пили вино, пока моя дочь числилась мертвой на бумаге.

Дверь открылась не сразу. Сначала щель, потом шире. Артемий стоял в дверном проеме, опираясь плечом о косяк. На нем была домашняя рубашка из тонкого хлопка, расстегну-

тая на две пуговицы выше нормы, и он выглядел абсолютно спокойным. Слишком спокойным. Его глаза, обычно такие внимательные к деталям на операционном столе, сейчас скользнули по мне равнодушно, как по случайному прохожему.

— Вера? — протянул он, растягивая гласные. — Ты забыла свои документы? Или решила прийти за алиментами? Хотя какие могут быть алименты... у нас нет детей, помнишь?

Меня передернуло. От его тона, от этой циничной маски вежливости.

— Софи, — выдохнула я, толкаясь плечом внутрь, в коридор. Пол был холодным, в мраморе отражался свет потолочной лампы. — Где она? Я видела ее утром. Ты знаешь, что она жива.

Артемий не сделал шага навстречу. Он просто заблокировал проход корпусом, широко расставив руки. За его спиной, в глубине гостиной, мелькнула тень. Лика. Она сидела на диване, поджав ноги, и пила шампанское. Халат Артемия болтался на ней, слишком большой, волочащийся по полу. Она подняла бокал, приветствуя меня, и улыбнулась одними губами. Холодно. Злобно.

— Ребенок спит, Вера, — мягко сказал Артемий, понижая голос до интимного шепота, который должен был звучать как забота, но ощущался как угроза. — Она очень нервничает. Переживает за маму. Знаешь, дети чувствуют фальшь. А ты... ты истеришь. Как всегда.

— Не смей делать вид, что заботишься о ней! — закричала я, чувствуя, как горло перехватывает спазм. — Ты убил её бумаги ради денег! Верни её!

В этот момент Лика встала. Медленно, грациозно, поглаживая свой плоский живот рукой. Этот жест был так демонстративно женственным, так бьющим по моему самолюбию и материнскому инстинкту, что я едва не зашаталась.

— Ты слишком громкая для матери, которая потеряла ребенка, — тихо произнесла она. Голос был сладким, как испорченный мед. — Посмотри на себя. Волосы растрепаны, одежда мокрая. Тебе нужно успокоительное. Или лучше... полицию?

Артемий усмехнулся, глядя на меня сверху вниз. Он знал, что делает. Он использовал мой страх, мою любовь против меня же. Он ждал, когда я сломаюсь окончательно, чтобы иметь право закрыть дверь.

— Уйди, Вера. Иначе я вызову охрану клиники. Твоя нервная система дает сбои. Мы все это видели.

Слезы жгли щеки, но я стиснула зубы так, что заскрипели челюсти. Нет. Я не уйду. Я физически рванулась вперед, пытаясь проскользнуть мимо него в коридор, ведущий к детской. Мои пальцы вцепились в ткань его рубашки, я толкала его грудь, чувствуя твердость мышц под хлопком. Он даже не шевельнулся. Только схватил меня за запястье.

Его хватка была болезненной, точной, хирургической. Он не давил сильно, он блокировал суставы. Боль пронзила ру-

ку, отдавая в плечо. Артемий притянул меня ближе, нарушая личное пространство, и я почувствовала запах алкоголя и чужого парфюма на его коже.

— Хочешь шума? — прошептал он мне прямо в ухо, и мурашки побежали по спине, не от возбуждения, а от животного ужаса. — Если ты продолжишь шуметь, ты потеряешь даже право на прощание.

Он смотрел мне в глаза, и в его зрачках не было ни капли тепла. Там была пустота.

— Софи сейчас у няни, которую я нанял для подготовки... процедур. Похоронных. Понимаешь? Если ты не уйдешь спокойно, они заберут тело раньше времени. Никто никогда не узнает, где она лежит. Даже ты.

Это была ложь. Я знала это нутром. Но он играл на моем страхе потери, на моей вине за то, что я не защитила её раньше. Он превращал мою дочь в инструмент давления, в валюту.

— Отпусти, — прохрипела я, пытаясь вырвать руку.

— Один компромисс, — вдруг сказал он, отпуская мое запястье. Я чуть не упала, но удержалась, вцепившись ногтями в его рукав. — Ключи от твоей машины. Машина, которую ты так бережешь. Дай их мне. И я дам тебе пять минут. Видеосвязь. Один раз. Чтобы ты убедилась, что она... жива.

Сердце пропустило удар. Это ловушка. Я понимала это головой. Но сердце матери — это слепой зверь. Оно готово на всё ради одного взгляда.

— Записано будет? — спросила я, чувствуя, как дрожат колени.

— Конечно, — он пожал плечами, доставая телефон из кармана брюк. — Для суда. Доказательство того, что ты нестабильна и эмоционально зависимая от бывшей семьи. Идеальный материал для лишения родительских прав. Окончательно.

Я вынула ключи из кармана. Металл согрелся в сжатой ладони. Положила на столешницу в прихожей. Артемий взял их двумя пальцами, осмотрел, как ювелир осматривает камень, и удовлетворенно кивнул.

— Садись.

Он повел меня в гостиную. Лика отошла в сторону, занимая место на диване рядом с ним. Они сели так, будто я была лишним предметом мебели. Артемий набрал номер, включил видеосвязь и повернул экран ко мне.

На экране появилось лицо Софи. Четыре года. Светлые волосы, выбившиеся из косичек. Глаза, такие же серые, как у меня. Она сидела на кровати в новой комнате, которую я никогда не видела. На ней было розовое платье, которого я ей не покупала. Софи плакала. Беззвучно, только подбородок дрожал.

— Мама? — прошептала она в динамик.

Гул в голове стал оглушительным. Я хотела кричать. Хотела сказать ей: «Позови бабушку! Скажи, где ты!». Но Артемий перебил меня. Он обращался к Софи через телефон:

— Скажи, что ты хочешь жить с тётей Ликой. Скажи, что мама тебя обижает.

Софи всхлипнула, посмотрела в камеру, ее глаза были полны боли и непонимания. Она открывала рот, чтобы повторить заученную фразу, но увидела мое лицо. Ее взгляд изменился. Страх сменился недоумением.

— Мама, почему ты... — начала она.

— Выключай! — заорала я, ударив кулаком по столу. Телефон подскочил.

— Тише, Вера, тише, — Артемий не тронулся. Он наблюдал за мной с любопытством энтомолога, изучающего жука в банке. — Это хороший материал. Ты кричишь на маленькую девочку.

Экран погас. Сигнал оборвался. Я выхватила телефон; он выскользнул из моих рук, звякнув о стеклянный столик. Темнота экрана отразила мое искаженное, заплаканное лицо. Я чувствовала себя вывернутой наизнанку. Обнаженной. Опустошенной.

Артемий медленно встал. Он достал салфетку, аккуратно протер руки, словно только что трогал что-то грязное. Затем положил на стол передо мной папку с документами. Тонкую, синтетическую, с гербовыми печатями.

— Оформлено, — сказал он сухо. — Софи официально числится умершей. Медицинскую бумагу подписал я — руководитель хирургии и твой пока еще муж, которого ты так любила. Ты свободна от ответственности, Вера. Иди гуляй.

Я схватила папку. Бумаги были свежими, чернила пахли химией. Я разорвала верхний лист пополам. Потом еще раз. Рвала документы, требуя объяснений, требуя справедливости, которой не существовало в этом мире.

— Ты чудовище! — кричала я, швыряя клочки ему в лицо. — Ты заплатишь за это!

Лика подошла ближе. Она не смеялась. Она сделала страшнее. Достала свой телефон, включила экран и развернула его ко мне. Фотография. Они с Артемием в ресторане «Гранд», дата сегодняшняя. Время два часа назад. Они чокаются бокалами. Подпись: «Празднуем освобождение. Не благодари, дорогая».

Унижение было полным. Они не просто украли мою жизнь. Они выставили меня посмешищем. Мою боль, мою потерю, мою дочь — всё стало частью их пиара, их сделки.

Ноги подкосились. Мир вокруг качнулся. Я не могла больше находиться в этой комнате, среди этих запахов, этих лиц. Мне нужен был воздух. Любой воздух.

Я метнулась к балконной двери, распахнула ее. Холодный ветер ударил в лицо, смешанный с дождем. Я вышла на балкон, держась за поручень. Я сбросила мокрые босоножки у входа, и теперь кафель холодил босые ступни.

— Помогите! — закричала я в ночь, в темные окна соседних домов. — Здесь преступление! Они убили моего ребенка!

Никто не вышел. Ни одна занавеска не шевельнулась. Го-

род спал или делал вид, что спит.

Глава 3

Сзади раздался щелчок замка.

Я обернулась. Артемий стоял в дверном проеме. Он закрыл балконную дверь со стороны гостиной. Поворот ключа. Щелчок задвижки.

Тишина стала абсолютной. Только шум дождя и мое собственное дыхание, сбивчивое и прерывистое.

Он не ушел спать. Через матовое стекло, сквозь капли воды, я видела силуэт. Он не двинулся в сторону спальни. Он направился к компьютерному столу, который стоял в углу гостиной.

Я прижалась лбом к холодному стеклу. Стекло впивалось в кожу, причиняя физическую боль, которая заглушала душевную. Я смотрела, как свет в кабинете не гаснет. Артемий сел. Загорелся монитор. Синеватый свет озарил его профиль. Он начал печатать. Быстро, ритмично.

Текст был слишком мелким. Артемий взял телефон, и через стекло донеслось: «Дмитрий Волков. Да, новый владелец. Соедините».

Имя, которое я слышала вчера по телефону. Имя инвестора, который только что купил клинику отца Артемия. Имя человека, которого боятся все в медицинских кругах. Чистильщика. Хищника.

Значит, Артемий не просто уничтожал меня ради Лики.

Он готовил сделку. Он продавал меня. Продавал память о Софи. Продавал клинику вместе с компроматом, который теперь был в руках Дмитрия. Моя дочь была валютой. Я была товаром. И этот товар передавали из рук в руки.

От осознания этой многоуровневой игры меня затошнило. Это не семейная драма. Это бизнес. Грязный, кровавый бизнес, где люди — строчки в бухгалтерии.

В кармане пальто завибрировал телефон.

Тихо, еле слышно, но в наступившей тишине балкона этот звук был похож на взрыв.

Я машинально сунула руку в карман. Пальцы наткнулись на гладкий металл.

Чужой телефон. Тот самый, с которого Артемий звонил няне. Он остался на стеклянном столике; уходя на балкон, я сунула его в карман. Артемий этого не заметил.

Экран телефона вспыхнул уведомлением, пробивая темноту балкона ярким, белым светом.

Я не смогла удержать улыбку. Горькую, кривую, но настоящую.

«Новый владелец клиники Дмитрий Волков просит встречи. Срочно. Адрес в сообщении».

Артемий думал, что победил. Он думал, что изолировал меня, лишил статуса, забрал будущее. Но он забыл одну вещь: жертва, загнанная в угол, становится опаснее хищника.

У меня был телефон. У меня был контакт. У меня была

причина.

И я знала, куда идти.

Артемий наконец открыл балконную дверь и велел мне забрать вещи. Лаймовый запах дезинфектора перебивал даже ноты моего любимого парфюма, который я нанесла вечером, надеясь на цивилизованный развод. Я стояла босиком на холодном кафеле, чувствуя, как затекшие пальцы ног не разгибаются. В руке Артемий держал мою сумочку — дешевую, кожзаменительную, с потертостями на углах. Ту самую, где лежал паспорт и ключ от сейфа. Ключ, который давал мне хоть какую-то иллюзию контроля над жизнью.

— Отдай, — мой голос прозвучал хрипло, чужеродно в этом глянцевом интерьере.

Артемий усмехнулся. Это была не улыбка мужа, с которым мы делили постель восемь лет. Это был оскал хищника, играющего с раненой дичью. Его глаза, обычно такие теплые для пациентов клиники, сейчас были пустыми и стеклянными.

— Бывшая жена не имеет права на имущество, Вера, — он произнес это так, будто читал выдержку из договора аренды. — Ты здесь никто. Пустое место.

Он разжал пальцы. Сумочка полетела не на пол, а прямо в черный мусорный пакет, полный грязного белья и остатков ужина. Звук удара ткани о пластик был громким, как пощёчина.

Я рванулась вперед, инстинкт матери и женщины заставил

меня забыть о гордости. Но Лика, эта тощая стажерка с бегающими глазками, оказалась быстрее. Она не кричала, просто шагнула навстречу, используя свой вес и молодую силу. Её плечо толкнуло меня в грудь, жестко, почти жестоко. Я отлетела назад, ударившись спиной о стену. Голова закружилась, перед глазами вспыхнули искры.

— Не трогай вещи хозяина, — шепнула Лика, наклоняясь ко мне. Её дыхание было горячим и противным. — Он же тебя убьет, если ты испачкаешь его дом.

Я сидела на полу, прижимая руку к груди, где билось сердце, грозя выскочить из рёбер. Боль была физическая, но внутри всё горело от унижения. Они смотрели на меня сверху вниз, как на насекомое.

— Телефон, — выдавила я. — Верни телефон. Мне нужно позвонить няне. Софи...

Артемий достал из кармана брюк мой смартфон. Экран светился тускло. Он повернул его так, чтобы я видела статус сети. «Нет соединения». Потом он показал баланс: минус триста рублей.

— Заблокирован за неуплату, дорогая, — сказал он мягко, гладя экран большим пальцем. — Я сам отключил симкарту через личный кабинет оператора. Пока ты жарила стейк. Ты ведь даже не заметила, как мир вокруг тебя начал рушиться?

Это было спланировано. Холодно, расчетливо. Они готовились к этому моменту неделями, пока я верила в их лю-

бовь. Я схватила аппарат, но он ударил по моей руке, и телефон выскользнул из пальцев, упав в лужу воды, которую кто-то разлил при уборке пола. Стекло треснуло. Я подняла телефон и прижала к груди: фотографии дочери могли еще сохраниться.

Изоляция цифровая, изоляция физическая. Я осталась одна в клетке.

Артемий приоткрыл входную дверь. Шум в квартире привлек внимание. Из-за двери соседней квартиры выглянула женщина в халате. Потом открылась дверь напротив. Любопытные глаза соседей по этажу — нашей элитной «коробки», где каждый знал каждого, — впивались в нас.

Маска садиста слетела с лица Артемия мгновенно, словно по щелчку. Он сменился в лице, став жертвой обстоятельств.

— Господи, ну сколько можно! — закричал он, хватаясь за голову. — У неё снова истерика! Она пытается украсть деньги из семейного бюджета! Помогите!

Лика тут же подхватила игру. Она всхлипнула, прижимаясь к Артемию, и заплакала навзрыд, изображая бедную беременную жену, терпящую выходки психически неуравновешенной соперницы.

— Артемий, успокойся, пожалуйста... Она опасна, — шептала она, хотя её слова были слышны всем в коридоре.

Я посмотрела на соседей. На их лицах читалось одно: презрение и страх. Никто не хотел связываться с «сумасшедшей». Если я буду кричать, доказывать правоту, они вызовут

полицию. И тогда Артемий получит то, чего хочет — официальное подтверждение моей неадекватности. А значит, доступ к Софи, к опеке, к моему будущему.

Гордость — единственное, что у меня осталось. Хрупкая, тонкая ниточка, которая могла порваться от любого слова.

Я замолчала. Губы сжались в тонкую линию. Молча, опустив глаза, я подошла к мусорному пакету. Руки дрожали, когда я выгребала оттуда свою сумочку, мокрую от воды и грязи. Внутри, в боковом кармане, остался только старый бумажник. Паспорт был цел. Я положила рядом разбитый телефон. Это уже победа. Маленькая, жалкая, но моя.

Я чувствовала себя оплеванным животным, которого выгнали из конуры. Но я не плакала. Слезы будут потом. Сейчас нужно было уйти.

Он захлопнул дверь перед соседями. Я направилась к ней. Нажала на ручку. Та не поддалась. Светодиод замка мигнул красным. Электронная блокировка.

— Дверь закрыта, — равнодушно сообщил Артемий из гостиной. Он уже сидел на диване, листая ленту новостей, даже не обернувшись. — Полиция уже едет оформлять кражу имущества. Тебе лучше подождать их здесь. Или попытаться открыть замок силой? Хотя зачем портить маникюр?

Стук в дверь был глухим, бессмысленным. Я понимала: ждать нельзя. Как только приедут полицейские, они обыщут квартиру. Артемий подбросит мне документы со своего стола и скажет, что я их украла. Меня посадят или отправят

принудительно лечиться. А Софи останется с ним.

В голове всплыла картинка: балкон. Мы никогда не запирали его на ночь, потому что там сушились цветы, и ветер должен был гулять.

Я развернулась и пошла в сторону балкона. Каждый шаг давался тяжело, тело ныло от удара Ликой. Артемий не остановил меня. Ему нравилось шоу. Ему нравилось смотреть, как я пытаюсь вырваться из паутины, которую он плёл годами.

Выход на балкон встретил меня стеной ветра и ледяных капель. Дождь лил как из ведра, превращая город в размытое пятно серости и света фар. Я выбралась наружу, скользнув по мокрому бетону. Воздух был таким холодным, что перехватывало дух, но этот холод очищал разум лучше любого лекарства.

За моей спиной появилась Лика. Она остановилась в дверном проеме, застыв силуэтом на фоне тёплого света гостиной.

— Ты правда думаешь, что найдешь дочь? — её голос пробился сквозь шум дождя, тихий, но отчетливый. — Артемий уже отправил людей к твоей няне. Они скажут, что ты наркоманка. Что ты больна. Что ты представляешь угрозу для ребенка.

Удар был точным. Прямо в сердце. Страх потери Софи сковал внутренности ледяными цепями. Я представила, как эти люди врываются в квартиру бабушки-няни, как они за-

бирают мою девочку, четырехлетнюю, испуганную, зовущую маму.

Но вместо того чтобы закричать, я посмотрела Лике в глаза. Я собрала всю ту ненависть, которая кипела во мне последние часы, весь стыд, всю боль, и посмотрела на неё так, будто видела не живого человека, а кусок мяса.

Лика вздрогнула. Инстинктивно сделала шаг назад, в тепло, прочь от этого взгляда. Её манипуляция, построенная на страхе матери, наткнулась на абсолютную, мертвую решимость.

Я не ответила ни словом. Сунув телефон Артемия и бирку Софи в сумку, я вернулась на миг за босоножками, надела их и вышла обратно. Потом перелезла через перила на площадку пожарной лестницы. Металл обжег ладони холодом, но я не почувствовала боли. Только облегчение.

Глава 4

Оказавшись на земле, я поняла, что ошиблась в расчетах. Платье промокло насквозь, ткань прилипла к телу, тянула вниз. Обувь — те самые легкие летние босоножки — была бесполезна в этой жиже. Я шла по тротуару, оставляя мокрые следы, чувствуя, как вода стекает за шиворот.

Такси не останавливались. Я махала рукой, поднимаясь на бордюр, но машины проезжали мимо, брызгая грязью. Одна частная иномарка притормозила. Водитель опустил стекло, узнал меня. Его лицо исказилось гримасой страха.

— Вера Сергеевна? Артемий сказал, вы... нездоровы. Простите, не могу вас брать. Он клиент клиники. Я не хочу проблем.

Стекло поднялось. Машина уехала.

Я осталась посреди ливня. Одинокая. Без денег, без связи, без дома. Холод проникал в кости, дрожащие мышцы сводило судорогой. Но внутри горел огонь. Яркий, белый, уничтожающий. Они недооценили меня. Я проверила сумку: паспорт был на месте. До метро дойду. Если не найдется ни одной машины — дойду сама.

Я начала идти пешком. К метро. Там люди. Кто-нибудь даст позвонить. Там я смогу найти способ связаться с кем угодно, кроме них.

Путь оказался длиннее, чем я помнила. Парк имени Горь-

кого встретил меня темнотой и тишиной, нарушаемой лишь шелестом листьев под дождем. Я добралась до ближайшей скамейки, покрытой зелеными водорослями, и рухнула на неё, задыхаясь.

Трясущимися руками я полезла в карман пальто. Верхняя одежда была единственным, что Артемий не стал обыскивать, считая её тряпкой, недостойной внимания. Бумажник я оставила в сумке.

Деньги? Нет. Все купюры ушли на оплату коммуналки в прошлом месяце. Кредитки? Заблокированы, как и телефон.

Мои пальцы нащупали плотную картонку. Визитка.

Я вспомнила прошлую неделю. Я ждала Артемия у входа в клинику, мёрзла, нервничала. Тогда рядом остановился черный внедорожник. Мужчина вышел из машины. Наши глаза встретились на долю секунды. Он положил визитку на капот моей машины, сказав: «Если вам понадобится помощь от тех, кто не играет в игры». Я взяла её автоматически, сунула в карман и забыла.

Я достала визитку. Она была мокрой, чернила расплывались. Белый матовый картон, золотое тиснение: «Дмитрий Волков. Инвестиционный фонд "Санитар"».

Бесполезная бумажка. Фантик от конфеты, которую я не смогла съесть. Я хотела выбросить её в лужу. Чувство бессилия накрыло меня с головой, тяжелым одеялом. Зачем звонить человеку, который, возможно, даже не помнит моего лица?

Но рука не послушалась. Я перевернула визитку.

На обороте, написанные от руки синими чернилами, неровным, но твердым почерком, был номер телефона. И ниже, короткая приписка:

«Если нужна защита от волков, звони. Д.»

Сердце пропустило удар.

Он написал это заранее. Значит, он видел. Видел, как Артемий обращается со мной. Видел эту схему. Дмитрий не был случайным инвестором, покупавшим клинику ради бизнеса. Он был охотником. Он ждал. Ждал, пока жертва сама придёт к нему в грязи, униженная, сломленная, с пустыми руками.

Я не была пешкой. Я была ожидаемым трофеем.

Эта мысль должна была пугать. Должна была вызывать отвращение. Но вместо страха я почувствовала странное, жуткое облегчение. Кто-то другой знает правила этой игры. Кто-то другой видит волков.

Дождь смывал с моего лица тушь, превращая меня в призрака. Холод больше не причинял боли, он стал частью меня. Я прижала мокрую визитку к груди, чувствуя, как бумага впитывает влагу тела. Пальцы дрожали, но не от холода.

Я достала телефон Артемия. Экран запросил код. Артемий не сменил его — я набрала знакомые цифры. Набрала номер с визитки.

Гудки шли долго. Бесконечно долго. Каждый сигнал резал уши, как пила. Секунды растягивались в минуты. Может, он

не возьмет трубку? Может, это был блеф?

На седьмом гудке линия щелкнула. Тишина на том конце провода была оглушительной. Потом голос, низкий, бархатный, но с металлическим отливом опасности, произнес одно слово. Одно короткое слово, от которого кровь стынет в жилах, а мурашки пробегают по спине:

— Жду.

— Это Вера... — успела я сказать. Экран погас. Телефон разрядился. Я нажимала кнопку снова и снова, пока не заболел палец, но он больше не включался.

Скамейка была из холодного металла и чьей-то блевотины. Я сидела, поджав колени к груди, и пыталась не дышать, чтобы ветер не залезал внутрь меня ледяными пальцами. Пальто — то самое, тонкое, «для прогулок с мужем по парку», когда я еще верила, что мы пара, а не хозяин и раба — промокло насквозь три часа назад. Теперь оно висело на мне мокрой тряпичной шкурой, облепляя плечи, спину, шею. Холод проникал в суставы, скрежетал в костях, превращая кровь в густой кисель.

Меня трясло. Не мелко, от страха, а крупно, до ломоты в зубах. Челюсти сводило судорогой, так что я прикусила внутренний край щеки, чувствуя соленый металлический привкус крови. Боль была тупой, но честной. Она напоминала: ты жива. Ты здесь. Если ты уснешь прямо сейчас, завтра тебя найдут синим трупом у мусорных баков, и Артемий вычеркнет тебя из истории окончательно. А Софи... Софи останется

одна в темноте чужого дома.

Я открыла глаза. Темнота вокруг была плотной, вязкой, как нефть. Вдалеке гудели машины, редкие фары полосовали мокрый асфальт, создавая иллюзию движения жизни. Здесь же, на этой остановке у парка, время застыло.

Шаги послышались внезапно. Хриплые, шаркающие.

— Эй, цыпа.

Я не повернула головы. Просто не хватило сил на реакцию. Передо мной выросла фигура: мужик лет пятидесяти, в рваном пуховике, пахнущем перегаром и сыростью. Его лицо было покрыто струпьями, глаза блестели нечеловеческим голодом.

— Сумку давай, — он протянул грязную руку. — Там хоть деньги есть? Или жратва?

Внутри сумки лежали только документы, два телефона и пустая бутылка воды. Но для него это был клад. Он видел во мне жертву. Легкую добычу. Ту, которую можно забить насмерть и обобрать, потому что она даже кричать не сможет от холода.

Страх должен был сковать меня. Но вместо этого внутри поднялась волна чего-то другого. Ледяная ярость. Та самая, которая заставила меня сегодня ночью выйти из квартиры Артемия, хотя он угрожал вызвать полицию. Та, которая удержала меня на мокрой пожарной лестнице.

Я медленно подняла голову. Посмотрела ему прямо в зрачки. Не моргая. Пустым, мертвым взглядом человека, ко-

торому уже все равно, умрет ли он через минуту или через час.

— Иди на хуй, — прошептала я. Голос сорвался, но слова были четкими.

Он замер. Ожидал слез, просьб, истерики. А получил пустоту. Он принюхался, словно зверь, почувствовавший ловушку. Моя неподвижность, мои белые губы, эта странная, пугающая уверенность в глазах сумасшедшей бабы на скамейке сработали лучше любого оружия.

— Дурочка, — фыркнул он, но шагнул назад. — Помереть решила? Ну валяй.

Он развернулся и побрел дальше, бормоча что-то о болезнях и заразе. Я смотрела ему вслед. Сердце колотилось где-то в горле, но руки перестали дрожать. Страх стал топливом.

Теперь можно было думать о Софи.

Образ дочери вспыхнул перед глазами так ярко, что заболели виски. Софи с ее курчавыми волосами, с любимым зайцем в руке. Ей четыре года. Она зовет маму, когда ей страшно. Что она чувствует сейчас? Проснулась? Плачет? Ждет, пока няня даст ей кашу? Или няни уже нет? Артемий сказал своим людям «оформить опекунство». Это значит, что они могут забрать ребенка. Прямо сейчас. Увезти в какую-нибудь частную клинику для «покоя», где дети исчезают из списков, если родители объявлены недееспособными.

Грудь сдавило. Воздуха не хватало. Я начала дышать часто, поверхностно, как рыба, выброшенная на берег. Голова

поплыла. Тело хотело свернуться клубком и сдаться. Паника, — пронзила мысль. Это паническая атака.

Но я медсестра. Даже если Артемий выжил меня с работы, даже если я ничтожество в его глазах, мои руки помнят алгоритмы.

Вдох на четыре счета. Задержка на семь. Выдох на восемь.

Я закрыла глаза и начала считать. Один... два... три... четыре. Зажать нос. Семь секунд тишины. Восемь секунд выдоха. Ритм сердца замедлился. Мысли стали яснее. Любить дочь теперь означало не плакать над ней, а оставаться живой, чтобы спасти её. Любовь превратилась в дисциплину. В холодный расчет.

Фарами свет ударил по глазам. Резкий, белый.

Глава 5

Машина патрульной службы затормозила в десяти метрах от остановки. Дверца распахнулась. Оттуда вышел полицейский. Молодой, напыщенный, в блестящем плаще. Он направился ко мне, держа фонарь в руке, как оружие.

— Документы. Быстро.

Я молча полезла в сумку. Пальцы дрожали, но я контролировала их. Телефон Артемия разрядился, визитка Дмитрия — единственная ниточка, связывающая меня с возможным спасением. Если они увидят её, если свяжутся с Артемием... конец.

Полицейский требовательно махнул рукой:

— Сумку на пол. Открыть.

Я поставила сумку на мокрый асфальт. Внутри было видно угол визитки. Белая бумага с золотым тиснением. Броская. Подозрительная.

— Что там? — полицейский навел луч фонаря внутрь.

В этот момент я почувствовала запах бензина и пота, исходящий от него. Инстинкт закричал: опасность. Артемий мог позвонить куда угодно. Он мог сказать, что я больна, что я опасна, что я могу причинить вред себе или другим. Они могли просто увезти меня в психдиспансер. Или «случайно» оставить замерзать в лесополосе.

Действовать нужно было быстро.

Я резко закашлялась. Так сильно, что согнулась пополам, ударившись головой о спинку скамейки. Кашель был сухим, лающим, натуральным — после ночи на ветру это не составляло труда. Пока полицейский отшатывался, выражая отвращение, я ладонью прикрыла рот и спрятала в него сложенную визитку. Мокрый картон прилип к щеке. Только бы не поперхнуться.

— Черт, ну и видок, — полицейский поморщился, светя мне в лицо. — Встать! Покажи карманы.

Я послушно встала. Руки были пусты. Карманы пальто — тоже. Только мокрая ткань.

— Где твои вещи? Почему ты тут одна ночью? — спросил он, обыскивая мою сумку более аккуратно. Он достал документы. Паспорт. Медицинскую книжку. Ни денег, ни карт.

— Я... потеряла работу, — выдавила я, продолжая имитировать кашель. Глотать визитку нельзя. Она могла повредить пищевод. Нужно было ждать момента.

Полицейский просмотрел бумаги, хмыкнул.

— Вера Соловьева? Развод оформляется? А муж твой, Артемий Викторович, звонил нам час назад. Сказал, что ты в состоянии шока, можешь быть агрессивной. Просил доставить в участок для проверки.

Сердце упало в желудок. Он знал. Артемий уже начал игру.

— Я не агрессивная, — тихо сказала я. — Просто замерзла.

Полицейский вздохнул, убирая документы обратно в сумку. Ему было лень возиться с пьяной или сумасшедшей бабой в такую погоду. Бумаги в порядке. Угрозы реальной не было.

— Ладно, бродяжка. Сваливай отсюда, пока не пришла другая машина. Тут ночевать запрещается.

Он захлопнул дверцу. Машина уехала, оставив меня в облаке выхлопных газов и абсолютной темноте.

Я осталась одна. Тишина города давила на уши, гулом в голове. Где-то далеко, за многоэтажками, раздался детский плач. Тонкий, жалобный звук. Мне показалось, или это была правда? Или это мой мозг рисовал образ Софи?

Я прислушалась — плач не повторился. Но снова увидела перед собой Софи на экране чужого телефона.

Я стояла посреди мокрого асфальта, с визиткой во рту, и чувствовала, как уходит слабость. Вместо неё приходило другое чувство. Тяжелое, темное, как камень в животе. Месть.

Если я умру здесь, Софи будет жить с монстром. Если я пойду в участок, меня признают невменяемой, и Артемий получит опеку. Единственный путь — выжить. Любой ценой. Жить — это акт войны против него. Каждый вдох — плевок ему в лицо.

Я выплюнула визитку в ладонь. Протёрла её рукавом пальто, несмотря на грязь и влагу. Бумага стала мягкой, но текст читался. Номер телефона. Имя: Дмитрий Волков.

Рассвет занимал небо серым цветом. Дождь прекратился, сменившись мелкой моросью. Я двинулась пешком. Ноги гудели, суставы хрустели, но я шла. Цель была рядом — круглосуточный фастфуд у вокзала. Там тепло. Там розетки. Там люди, которые не смотрят на тебя как на мусор.

Через сорок минут ходьбы я увидела яркие огни рекламного щита. «Бургер-Лэнд». Запах жареного мяса и кофе ударил в нос так сильно, что меня чуть не стошнило от голода.

Я вошла внутрь. Автоматическая дверь раскрылась, выпуская облачко теплого воздуха. Внутри было пусто, кроме пары ночных работников и одного посетителя в углу. Кондиционер гудел ровно. На стенах висели большие телевизоры, показывающие утренние новости.

Я подошла к стойке. Продавец, молодой парень с прыщами на лице, посмотрел на меня с жалостью и брезгливостью.

— Кофе?

— Горячую воду. И зарядку для телефона, — мой голос звучал чужим.

Он молча протянул стаканчик, одолжил провод с подходящим разъемом и указал на розетку у окна. Я села и подключила телефон Артемия. После нескольких минут зарядки экран загорелся: 1%. Красная зона агонии устройства.

На телевизоре шла новость о задержании «рецидивиста», которого полиция искала в связи с кражами в частных домах. Лицо на экране было размыто, но подпись гласила: «Задержана женщина, похожая на подозреваемую». Лица не разо-

брать — это могла быть любая женщина. Но слова Артемия про полицию снова зазвучали в голове.

Затем кадр сменился. Ведущий говорил о покупке сети клиник «Аврора». На экране появилось фото здания клиники, а затем — портрет нового инвестора.

Дмитрий Волков.

Он выглядел старше своих лет. Строгий костюм, холодные глаза, губы сжаты в тонкую линию. Он не улыбался. Он смотрел в камеру так, будто видел каждого зрителя насквозь. В новостях говорили о его репутации «чистильщика». О том, что он покупает проблемные активы и делает их прибыльными любой ценой.

Вдруг в углу экрана мелькнуло имя: «Артемий Соловьев, главный хирург клиники, ожидает решения акционеров».

Дмитрий купил клинику. Уже. Он не просто потенциальный спаситель. Он новый хозяин того ада, в котором жил Артемий.

Я посмотрела на свои руки. Они все еще дрожали, но уже от нетерпения. Сделка с Дмитрием — это не вход в рай. Это вход в другую клетку. Более дорогую, более охраняемую, но все же клетку. Однако стены этой клетки выше, и двери в них открываются ключом, который у меня есть. Моим знанием. Моим страхом. Моей готовностью стать его инструментом.

Телефон пискнул. Заряд достиг 5%. В темном стекле отразилось мое лицо. Изможденное, бледное, с темными кругами под глазами. Но живое.

Я набрала номер.

Гудки шли долго. Бесконечно. Сердце пропускало удары. Может, он не возьмет трубку. Может, это просто номер офиса, и там робот. Может, он уже забыл обо мне.

И вдруг — щелчок. Тишина на секунду. А потом низкий, бархатный голос, спокойный и властный, произнес одно слово:

— Да?

— Это Вера Соловьева. Связь оборвалась...

— Слышал. Где вы?

Я назвала фастфуд у вокзала. Он велел оставаться в людном месте и ждать. Но меня трясло так сильно, что я боялась потерять сознание. Через дорогу открывалась поликлиника; я сказала, что пойду туда за помощью.

— Я найду вас, — ответил он.

Глава 6

Город пах мокрой пылью и чужой бедностью. Я стояла у стеклянных дверей поликлиники, чувствуя, как холодный кафель въедается в подошвы моих промокших босоножек. Внутри было тепло, душно и безопасно. А снаружи меня ждал дождь, который стекал по воротнику дешевого пальто, смешиваясь с потом и страхом.

Ноги не слушались. После ночи на улице они превратились в свинцовые гири. Мне нужна была справка. Любая. Даже та, что подтвердит мой физический упадок сил, чтобы юрист Дмитрия мог использовать её как рычаг. Но главное — мне нужно было просто сесть. Просто на минуту закрыть глаза в месте, где никто не знает, что я «сумасшедшая жена хирурга».

Я толкнула дверь. Воздух ударил в лицо запахом хлорки и дешевых цветов. Очередь к регистратуре змеилась от стены до стены. Люди шуршали бумагами, ругались по телефону, кашляли. Обычная жизнь. Чужая жизнь.

Я сделала шаг вперед, надеясь проскочить к окошку, пока меня не заметили. В этот момент женщина в платке, стоявшая чуть впереди, обернулась. Её глаза расширились. Она ткнула локтем подругу, шепот, прорезавший гул голосов, был громче крика:

— Это же она. Та самая. Жена Артемия Соловьева. Слы-

шала? Говорят, детей бросила. Психически больная.

Я остановилась, не дойдя до окошка. Женщина в платке уже повернулась к следующей соседке. Меня узнали. Мою репутацию, вывернутую наизнанку моим бывшим мужем, уже растиражировали по всем районным чатам. Здесь, среди бабушек и рабочих смен, я была не жертвой. Я была монстром.

Поворот судьбы оказался жестоким: анонимности больше не существовало. Я хотела развернуться и бежать, но тело предательски дрогнуло. Голова закружилась так сильно, что пол поплыл перед глазами. Я вцепилась в спинку пластикового стула, чувствуя, как ногти царапают дешевый пластик. Слабость после голодной ночи взяла своё. Я осталась. На виду. Униженная и жалкая.

— Следующий! — рявкнула регистраторша. Голос сухой, безразличный, как скальпель.

Я шагнула к окошку. Мое отражение в стекле напугало меня: растрёпанная, бледная, с темными кругами под глазами, пахнущая мокрой шерстью и отчаянием.

— Мне нужен талончик к терапевту. Или хотя бы справка о состоянии здоровья.

Женщина даже не подняла глаз от монитора.

— Полис ОМС есть? Паспорт?

— Паспорт есть. Полис... он остался дома. У мужа. Пожалуйста, можно по базе найти? По фамилии?

Она наконец посмотрела на меня. Взгляд скользнул по мо-

ему лицу, оценивая степень моей нищеты и безумия. Презрение было очевидным.

— Нет документов — нет услуги. Идите в частную клинику, если есть деньги. А здесь мы не гадаем.

Я полезла в карман пальто. Пальцы дрожали, цепляя пуговицу. Я достала последние монеты. Три рубля. Может быть, пять. Я положила их на стойку, толкая к ней мелочь.

— Возьмите. Пожалуйста. Мне правда нужно...

Регистраторша отвела руку так, будто я протянула ей грязь. Монетки звякнули об стол, скатываясь на пол.

— Вымогатели тоже тут были. Охрана!

Это слово стало приговором. Охранник, крупный мужчина в форме цвета хаки, вышел из тени коридора. Его лицо было каменным.

— Прошу на выход. Гражданский порядок нарушаете.

Он схватил меня за плечо. Грубо. Без предупреждения. Его пальцы впивались в ткань моего пальто, тянули к двери. Я попыталась сопротивляться, но мои силы были ничтожны против его массы. Страх сковал горло. Система, которая должна была защищать слабых, теперь выплевывала меня, как несъедобное зерно. Это был первый раз, когда я столкнулась с прямой физической агрессией со стороны государства. Больно и униженно.

И тогда мир замер.

Чья-то рука перехватила запястье охранника. Не просто перехватила — заблокировала движение с абсолютной

властностью. Охранник охнул, согнув руку. В холле притихли.

Я подняла глаза.

Передо мной стоял Дмитрий. Он не выглядел спасителем. Он выглядел хозяином положения. Черный костюм сидел на нем идеально, контрастируя с серостью больницы. Его лицо было спокойным, почти скучающим, но в глазах читался хищный блеск, от которого мурашки бежали по спине.

— Отпусти, — произнес он. Тихо. Бархатно. Но так, что охранник побледнел и мгновенно одернул руку, словно обжегшись.

— Она моя гостья. Иди работай.

Охранник исчез, растворившись в толпе перешептывающихся людей. Регистраторша смотрела на Дмитрия с открытым ртом, забыв про свои принципы.

Я почувствовала не облегчение. Я почувствовала липкий ужас. Я только что стала собственностью этого человека. Прямо здесь, посреди очереди к мусорному ведру, он показал, кто теперь решает мою судьбу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.